

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
НАУЧНЫЙ СОВЕТ
«ИСТОРИЯ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ»
КОМИССИЯ ПО СОЦИОКУЛЬТУРНЫМ
ПРОБЛЕМАМ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

А.И. НЕКЛЕССА

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА

**МОСКВА
2002**

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КОМИССИИ

Серия «Социокультурные проблемы глобализации». Вып.2.

А.И. Неклесса. Стратегическая матрица и российский узел / Научный Совет РАН «История мировой культуры». М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002

Personalia

Александр Иванович Неклесса. Заместитель директора Института экономических стратегий при Отделении международных отношений РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономического анализа и проблем социального развития ИАФРАН. Руководитель межотраслевого центра «Геоэкономика». Член экспертного Совета по внешней политике при Комитете по международным делам Государственной Думы РФ.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию (НПО СИНЛА), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим в Службе стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, советником агентства «СОКРАТ».

Автор более 200 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Около 25 лет проработал в системе Российской Академии наук. Член Бюро Научного совета РАН «История мировой культуры», председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации. Действительный член Философско-Экономического Ученого Собрания МГУ им. М.В. Ломоносова. Профессор Академии геополитических проблем (специальный курс «Геоэкономика»). Руководитель проекта Российского гуманитарного научного фонда «Геоэкономическая система мироустройства».

Основные направления исследований: 23.00.04 – политические проблемы международных отношений и тенденции глобального развития; геоэкономика; стратегический анализ и планирование; философия истории.

Электронный адрес: neklessa@mail.ru

Выпускающий редактор *Е.В. Владимирова*

Технический редактор *Т.И. Рудакова*

Компьютерная верстка *Н.Н. Никольский*

Компьютерный набор *С.И. Иванова*

Публикуется в рамках исследовательского проекта
«Постсовременная цивилизация»

© 2002, А.И. Неклесса

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА И РОССИЙСКИЙ УЗЕЛ*

Уважаемый г-н Председатель, уважаемые коллеги, тема высокого статуса стратегии, императива стратегичности и стратегирования в интенсивно меняющемся мире – балласт на мое сердце, я рад, что сегодня этот непростой вопрос оказался в центре внимания. Как мне представляется, основная беда, прямо-таки ахиллесова пята современной России – отсутствие у нее по гамбургскому счету развитой культуры стратегического мышления, серьезной практики стратегического анализа, активного концептуального целеполагания и долгосрочного планирования своих действий.

В этой связи, в своем выступлении, – которое я озаглавил бы «*Стратегическая матрица и российский узел*», – остановлюсь в основном на трех предметах: (1) на современных системах и методах прогнозирования; (2) на ситуации, складывающейся в мире, и (3) на месте, занимаемом в ней Россией, а также, вкратце, на некоторых особенностях нынешней российской ситуации.

1.

Прогнозирование, понимаемое как профессиональное представление будущего, применяется, конечно же, не только при анализе социальных систем. Но в отношении них – в отличие, скажем, от ряда больших физических систем, где положение вещей зачастую носит достаточно устойчивый характер (хотя и не всегда), а сумма изменений более-менее инерционна, – прогноз состояния и динамики социосистемы обладает выраженной спецификой, в частности, заметно более коротким горизонтом предсказательной силы.

Прогнозирование состояния и поведения социальных систем по самому своему существу некоторым образом парадоксально. В данном классе систем сопричастствует два достаточно различных компонента, две разнородные субстанции. Одна из них – социум, понимаемый как среда взаимодействия больших коллективов, которая имеет некоторые общие черты с естественными структурами. Хотя речь в данном случае идет о сложной, многофакторной системе, однако в ней есть элемент системной инерционности.

И второй компонент коллективной действительности человечества, составляющий другую часть социального «коктейля», – который рождает подчас крупномасштабные неожиданности, – это сам человек, человек *per se*, точнее, его уникальный статус, выражающейся в органично присущей ему свободе. Категорический императив

* Сокращенная версия стенограммы выступления на заседании клуба «Стратегическая матрица» (Москва, Александр-хаус, 25 октября 2002 г.), тема заседания «Сценарии для Президента».

этого статуса фиксирует принципиальную возможность самостояния человека вне инерции исторической ситуации, вне координат «социальной математики», т.е. его онтологическую способность к самостоятельным решениям и действиям, к полной смене модели поведения и даже всей сложившейся системы целеполагания. Что и является другим, «субъектным», вектором единого социогенома, его реальным движителем.

Но хотя подобное прочтение человеческой свободы вроде бы постулирует отсутствие всякой устойчивости в социальном прогнозировании мы, тем не менее, более или менее справляемся с решением ряда задач в данной сфере, и кое-что людям все-таки удается здесь спрогнозировать.

Вкратце напомним, какие на сегодняшний день существуют формы и методы в данной сфере деятельности. Существует, например, *инерционное* прогнозирование, наиболее освоенное, «добротное». Это, если можно так выразиться, «спокойная» форма прогноза, которая, однако же, практически не работает в самых интересных исторических ситуациях, т.е. когда происходят качественные изменения системы. В подобных случаях порой отказывает вся выстроенная механика инерционного прогноза, а созданный ранее инструментарий оказывается дефектным.

Существует также прогнозирование *нормативное*. Нормативное прогнозирование более известно у нас как планирование, и это соответствует его заветной «пружинке», которая подчас серьезно меняет обоснованно спрогнозированный (в иной системе координат) ход событий. Это совершенно другая система действий, нежели в случае инерционного прогнозирования, – система, предусматривающая целенаправленную активность, т.е. создающая условия, энергичной преадаптации к «естественным» и другим, желательным и нежелательным изменениям системы. То есть человеческая воля вполне способна менять ход событий и одновременно учитывать фактор своей деятельности в том или ином направлении при описании будущей ситуации.

Развернутая система нормативного прогнозирования – это своего рода пошаговое планирование «от будущего к настоящему», от некоторого гипотетического состояния (результата) к изначальной, стартовой ситуации с более-менее подробным определением системы действий, которую необходимо применять, чтобы получить этот гипотетический результат. Эрих Янч, один из отцов-основателей Римского клуба, в свое время говорил и писал об «активном представлении будущего» (или, что то же самое, о *поглощении прогнозирования планированием*), т.е., по сути, – о перспективности парадоксального (на первый взгляд) направлении базового вектора данного процесса.

Наконец, есть и такой достаточно импрессионистичный, но весьма интересный тип прогнозирования как *концептуальная разведка*, суть которой – системное, внятное представление горизонтов некоторой принципиальной новизны, попытка синтезировать ее как выпуклую целостность, как системную реальность. То есть определить, каково будет положение вещей, если динамичные предпосылки будущей ситуации (присутствующие в настоящем) разовьются и воплотятся в относительной полноте, как целостная конструкция. Это весьма любопытная форма интеллектуальной деятельности (социогуманитарной технологии) в рассматриваемой области, и порой она оказывается весьма результативной.

Еще один из методов прогнозирования – *структурное моделирование*. Метод, который позволяет, по крайней мере, отчасти, преодолевать парадоксы и противоречия бифуркационных ситуаций. В чем его базовое качество и достоинство? Пожалуй, в принципиальной установке на телеологичность трансформаций ряда сложных систем (особенно биологических и социальных) и на вытекающей из этого постулата возможности представления целостной морфологии некоторого процесса.

Подобный подход базируется на представлении того или иного процесса как целостной синдиахронной структуры – матрицы, разворачивающейся во времени. И если генетика ее правильно схвачена, то сама промежуточная бифуркация и ее следствия уже не являются непреодолимой сложностью, они по-своему предсказуемы. Мы располагаем достаточно широким спектром признаков, характеризующих наиболее вероятное продвижение системы в том или ином русле, исходя не из прочтений и опыта прошлого, но из ее будущих состояний (их модели). У нас, правда, возникает другая сложность – с толкованием временных параметров событий. И еще, пожалуй, с определением вероятности системной катастрофы – изменения принципиального направления вектора движения (в сторону инволюции). Иначе говоря, мы примерно представляем себе цепочку и разнообразие вероятных будущих модификаций системы, но точно не знаем, когда они будут реализованы.

К приведенному выше списку можно добавить также практический метод *экспертной оценки*, который еще шутливо называют «методологией инсайта», базирующийся, на самом деле, на достаточно прочном фундаменте – на профессиональной интуиции эксперта (становящегося в этом случае специфической частью, «черным ящиком» прогностической инженерии).

Естественным образом возникает вопрос, как же строится работа в сфере практического прогнозирования? Какой метод мы «на практике» используем как наиболее результативный? Пожалуй, наиболее практичным подходом оказывается выстраивание *стратегической симфонии*, использующей позитивные стороны всех вышеперечисленных методов, по возможности гармонично, синергетично увязывая их друг с другом. (Речь, конечно же, идет о прогнозировании достаточно сложных ситуаций и систем). Экспертная оценка плюс ресурсы данного прогностического коктейля позволяют на одних участках «на кривой козе» объезжать сложности, связанные с бифуркацией, а на других – трудности, связанные с необходимостью более-менее точной временной привязки тех или иных ожидаемых событий.

Все это сопрягается затем с «горизонтальной осью прогноза» – сведением отдельных, несовпадающих между собой – порой даже противоречащих друг другу – элементов прогноза в некую целостность, т.е. происходит выстраивание объемного *сценарного древа*. Чтобы быть устойчивым по отношению к реальному ходу событий, сценарное древо должно формироваться на достаточно прочных, фундаментальных основаниях, на верном определении предпосылок критически важных качеств будущих состояний системы. И тут мы сталкиваемся со специфической и в немалой степени (как показывает практика) психологической ловушкой: необходимостью определять, что же в настоящем есть проходящее и уходящее в небытие, а что – шелест листья могучего, но пока еще невидимого древа будущих состояний системы.

Если прогностический комплекс базируется на неправильно опознанных началах, на конъюнктурной («слишком конъюнктурной») причинности, то при первом же серьезном потрясении системы он попросту начинает разваливаться. Иначе говоря, плыть против течения все-таки сложнее, чем по течению. Нужно как минимум представлять, куда течет река. И вот такой реперной точкой для выстраивания достаточно широкого спектра социальных сценариев, связанных с глобализацией, является, по моему мнению, рубеж 1960-70-х годов. Время, когда в мировой ситуации произошел некий качественный переход, который был опознан на Западе, и, к сожалению, пропущен у нас, в России. Из чего, на мой взгляд, произошла масса значимых следствий.

Качественный, фазовый, переход он и есть качественный переход. Его можно определять различными ярлыками, и, тем не менее, глубина его, как правило, не будет исчерпана. Скажем, привычные ярлыки глобальной трансформации, постиндустриальной революции фиксируют переход цивилизации на какие-то другие рельсы: от мира индустриального к некой новой реальности, к каким-то иным способам жизнеустройства. Нам важно, однако, не только констатировать сам факт перемен, но также верно опознать «экогены будущего» – те реалии и тенденции, которые доминируют (будут доминировать) в обновленном статусе реальности, определяют содержание наступающей эпохи. Ибо механизмы, которые главенствовали до некой «красной черты» фазового перехода, скорее всего, больше не управляют ходом событий и лишь затмевают исторический взор.

Так, если подойти к оценке обозначенного выше рубежа с социокультурной точки зрения – то это был переход от высокого, доминантного статуса протестантского космоса как вектора и стержня глобальной ситуации (вектора, исходящего из североатлантической ойкумены, но спроецированного на весь мир) к иным мировоззренческим ориентирам и, соответственно, другим кодам действия.

Одновременно это был также поворотный момент в иерархической структуре элит, ее существенной реконфигурации. Речь идет о становлении «нового класса» транснациональной элиты, генетически связанного с феноменом «людей воздуха» – интеллектуалов, интеллигенции, т.е. людьми, управляющими смыслами и целеполаганием общества, образами его будущего, кодексами поведения. Людей, которые по своему, иначе, нежели предшествующая элита «третьего сословия», прочитали понятия свободы, транснациональности, универсализма и культуры.

В XX веке, шаг за шагом занимая все более важные, все более стратегические высоты, данная субкультура постепенно становится доминантной. Особенно интенсивный рывок произошел, как я уже отмечал, в последней трети столетия. В условиях постиндустриального уклада данная социальная прослойка («*ordo quadro*», «четвертое сословие») получает качественно обновленную среду действия (*информационно-коммуникационную революцию*), практически сложившийся универсум для реализации своей специфической деятельности. Среда, в которой пространство инновационных финансово-правовых операций, «информационной экономики», *knowledge-based economy* представляет собой лишь первый завоеванный ею плацдарм¹.

¹ Частично об этом см. А.И. Неклесса. Трансмутация истории // Новый мир. 2002, №9.

Тут, однако, возникает вопрос: так ли уж правильно называть данную форму социального космоса, эту глобальную «сетевую культуру» постиндустриальным миром? ² Скорее это некий «новый индустриализм», энергичным образом действующий преимущественно на базе не научно-технических, не промышленных, а социогуманитарных технологий, создающий свои виртуальные и одновременно вполне материальные предприятия (виртуальные с точки зрения совокупного объема их основных фондов и более чем реальные, если, скажем, измерять их реальность по уровню капитализации). Подобные «невидимые колледжи», «амбициозные корпорации», «интеллектуальные фабрики» – вся эта гибкая индустрия наводняет мир вполне реальной продукцией – материальной и нематериальной – в виде образов, смыслов, семантических образцов, текстов, стереотипов, кодов и алгоритмов действия. Здесь есть и свой *haute couture*, и свой *prêt-à-porter*, эксклюзивные, уникальные продукты и продукция массового производства, и даже свой специфический интеллектуальный хлам, пользующийся, однако же, массовым спросом и приносящий значительные доходы.

Но, прежде всего, – это все-таки новое поколение технологий управления, матричного, ситуационного, глобального управления, создающие совершенно новую среду и формулы действия, а также новую политическую перспективу.

Переход доминанты в сфере социальных и экономических процессов от технологий промышленных к технологиям социогуманитарным, к механизмам действия нового уклада (финансовым, правовым, управленческим и т.п.) создал, таким образом, специфическую среду действия, понимаемую как утрата приоритета и первородства промышленной индустрией, как своего рода «эйнштейнова революция» в социальной и политэкономической физике мира. И наше осознание того факта, что социогуманитарные технологии уже не есть некоторый «гарнир», а, скорее, сердцевина, «плоть» этого актуального процесса, что деятельность в социогуманитарной сфере является центром событий, а промышленные, экономические и политические реалии – ее следствия, естественным образом приводит (точнее, должно приводить) к реконфигурации всего политического процесса, его институциональных и организационных основ.

И, наконец, еще одно важное замечание: возникающая на наших глазах реальность способна распространяться стремительно, напоминая об эффекте морфологического резонанса, – когда за весьма короткий срок на широких пространствах возникает и утверждается совершенно иная феноменология и система связей, описываемая к тому же заметно иным языком.

Все эти качества нового мира на протяжении последних тридцати лет с различной интенсивностью осознавались, усваивались и меняли привычный инструментарий прогноза, принципы его организации и привычные подходы. Сейчас имеются широкие возможности для применения данных методов как в области теоретической, так практической деятельности, в реальной политике и экономике. В частности, во внешнеполитической сфере это проблема управления динамикой нового мира, и, в том числе, турбулентными процессами, динамическим хаосом.

² Подробнее о роли сетевых структур в современном мире см.: А.И. Неклесса Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.

2.

Теперь об *актуальной глобальной ситуации*. С началом нового века, или, если угодно, тысячелетия, стали особо ощутимы перемены в состоянии мира, изменение привычной грамматики, *синтаксиса* истории. В XXI веке «великие потрясения» хозяйственного уклада становятся, кажется, достоянием не только России, но всего мирового сообщества. Прогнозы развития указывают на высокую вероятность социальных и экономических турбулентностей в ближайшее десятилетие.

Один прогноз из этого сундука Пандоры, фактически, реализовался – кризис цифровой, информационной экономики, связанный со значительной переоценкой ее активов. Об этом сейчас достаточно много пишется и говорится, поэтому не буду данную тему развивать подробно.

Другой обсуждаемый сюжет – неприятности в мировой финансовой сфере, связанные с целым рядом факторов, включая неустойчивость глобального фондового рынка и сложность положения доллара (ярким признаком чего явилось повторяющееся на протяжении двух последних лет снижение его реальной цены – базовой учетной ставки Федеральной резервной системы до абсолютного минимума – немногим более одного процента, т.е. ниже уровня инфляции), что, в конечном счете, подводит мир либо к неким радикальным трансформациям в финансовой сфере, либо же к реальности Большого финансового взрыва.

Третий всадник экономического Апокалипсиса – контур глобального энергетического кризиса. Состояние нефтяного рынка и оценка мировых запасов углеводородов стали заложниками сложной игры, связанной с положением традиционных отраслей промышленности в развитых странах, с одной стороны, и проблемой капитализации нефтяных корпораций, с другой. Но об этом чуть ниже.

Заметно разнятся сейчас толкования охватившей планету глобализации, ее реалий, горизонтов, миражей. Так, к примеру, все очевиднее диссонансы и разночтения между европейской и американской трактовками целей и форм современного исторического процесса, различия между ними в оценке дизайна возводимой на планете конструкции. Наряду с рассуждениями о снижении значения национальной государственности, об усилении власти международных регулирующих органов, о роли коллективных действий в новом мире, смысловое содержание проекта глобализации все явственнее включает в себя также импероцентричную модель обустройства глобального универсума. Модель, в которой одно из государств более чем сохраняет свою актуальность и на практике постепенно отходит от концепции коллективных действий, по крайней мере, в прежнем их понимании, выстраивая на планете архитектуру «Четвертого Рима» (порой, однако, парадоксальным образом наводящую на мысли об историческом реванше Карфагена).

Параллельно укрепляется прочтение глобализации как великого отступления Модернити, начала неофеодальной эры господства и взаимных столкновений «амбициозных корпораций» – транснациональных элитных группировок различных пропорций, этих «летучих островов», «дредноутов» обозначившегося Нового Севера (о чем я еще буду говорить ниже). Что, вместе с тем, отнюдь не отменяет присутствие в мире дру-

гих, полускрытых кулисами истории версий глобализации и сжатых, в ожидании своего часа, стратегических инициатив в данной области, наподобие исламистской.

Серьезную метаморфозу претерпевает в нынешнем году и стратегия США в сфере национальной, военной безопасности, что выражается в переходе от «доктрины сдерживания» к концепции превентивных действий. Меняется также роль и конфигурация военных союзов и блоков (прежде всего НАТО), сфера их компетенции, очертаения актуальных рубежей безопасности и линий конфликтов. Постепенно начинает просматриваться контур динамичной (нестационарной) поствестфальской системы международных связей во главе с «господствующей мировой державой» (выражение госсекретаря США Колина Пауэлла). Не буду, однако, на этом подробно останавливаться, т.к. именно о данных материях идет речь в розданных вам перед заседанием материалах ³.

В сфере же собственно экономики началось, – причем достаточно неожиданно для многих, – вытеснение ставшей привычной темы цифровой экономики темой энергетики в качестве главного мотива актуальных геоэкономических композиций. Их проектная вязь представляет сейчас те или иные аппликации треугольника, вершины которого:

- а) новая энергетическая ситуация и стратегическая инициатива в данной области;
- б) призрак мирового финансового и промышленного кризиса;
- в) многоликая тема безопасности и терроризма в различных версиях ее прочтения.

Энергетический уклад современной цивилизации начинает все отчетливее осознаваться как не менее значимый, чем разнообразные, весьма впечатляющие проекции постиндустриального уклада. В сущности, – это две несущие опоры современного положения вещей в мире и сложившихся структур повседневности. Однако в обеих конструкциях в последнее время обнаруживаются все более серьезные дефекты.

Состояние глобальной энергетической отрасли теснейшим образом связано с углеводородным сырьем, в основном с нефтью. Развитие же атомной энергетики оказалось в силу ряда причин недостаточным, чтобы принять формально логичную эстафету прогресса в данной области. В частности, жупел Хиросимы и Чернобыля был эффективно использован влиятельным нефтяным лобби, умело организовавшим общественное мнение и, как результат, заметно ограничившим развитие атомной отрасли. Не сбылись также надежды, связанные с развитием термоядерной энергетики и возобновляемых источников энергии. В то же время существует ряд признаков того, что сделанные ранее оценки, касавшиеся запасов углеводородного сырья, носили завышенный характер, вследствие конъюнктурных интересов отдельных стран и корпораций (не в последнюю очередь – из-за проблем, возникавших с их капитализацией в период интенсивного роста цифровой экономики).

Кроме того, ряд нефтяных месторождений не смогут в дальнейшем столь же эффективно разрабатываться, либо начать разрабатываться, при низких ценах на это сырьё. Часть нефтяных запасов носит формальный характер, ибо энергетические затра-

³ Подробнее см. *А.И. Неклесса. Управляемый хаос // Мировая экономика и международные отношения. 2002, №9.*

ты на их гипотетическую разработку и доставку к конкретному потребителю – при нынешних технологических (и технических) возможностях добычи вполне сопоставимы с энергетической емкостью реально добываемого сырья. Все это позволяет предположить, что где-то в 2020-2050 гг. цивилизацию ожидают своеобразный момент истины – серьезные потрясения, связанные с прободением «энергетического пузыря» и новым статусом углеводородных ресурсов.

С учетом подобных перспектив Америка фактически приступила к пересмотру основ своей глобальной энергетической стратегии. Вашингтон опасается, что вслед за срывом сектора информационной экономики последует обрушение и традиционных отраслей промышленности. Задетой оказывается и такая могучая ветвь современной неэкономии, как глобальная финансовая инфраструктура, спроектированная на основе гарантий могущества США, их умения управлять глобальными рисками (что является реальным, хотя и специфическим обеспечением фактической мировой резервной валюты – доллара). В этих условиях дешевая нефть становится, своего рода, императивом американской внешней политики. В условиях обозначившейся кризисной экономической ситуации в стране, Соединенным Штатам необходимо не только не допустить роста цен на энергоносители, но по возможности добиться их значительного снижения (примерно до 17 долларов за баррель). Однако на этом пути обнаруживается все большее число подводных камней.

Пытаясь добиться радикального снижения цен на нефть – в частности, в результате прихода к власти в Ираке (равно как и в Венесуэле) вполне лояльного к интересам США правительства, а также трансформации в желаемом направлении все более драматизирующихся отношений с Саудовской Аравией – Америка попадает в своего рода стратегический цугцванг. В случае решительных действий в регионе и общего ухудшения ситуации на Большом Ближнем Востоке, высока вероятность серьезного кризиса в отношениях США с ОПЕК – организацией, теснейшим образом связанной с арабским и мусульманским миром. Все это вместе взятое вынуждает Америку продумывать – в полном соответствии с логикой преадаптации – дизайн специфического стратегического инструментария, – рассматривая, наряду с перспективой системной модернизации⁴ актуального ближневосточного контекста, проект создания альтернативной нефтегазовой конфигурации глобального масштаба, в котором не последнее место отводится России.

3.

Россия на обозначившемся переломе эпох переживает один из наиболее опасных для социального организма видов кризиса – кризис смысла. Что выражается в транзитности предлагаемых рецептов развития, непрочности социального контракта между властью и народом, неустойчивости положения государства в международном сообществе. Подобные ситуации, впрочем, возникали и раньше – в различных странах и в различные эпохи (от времен Жанны д'Арк до Великой депрессии, от Франции периода алжирской войны до Китая конца культурной революции и т.п.). Однако явный кризис подчас пре-

⁴ Модернизации, понимаемой, в сущности, как реализация «международного порядка, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы» (З. Бжезинский. Великая шахматная доска. – М., 1999. – С.41).

творялся в не менее явный подъем на волне верно найденной идеи социального сплочения, самоидентификации социального организма, верно уловленного направления конструктивной деятельности.

Ситуация в России, однако же, осложняется дополнительным фактором, затрудняющим позитивный выход из смыслового коллапса: отсутствием в стране субъекта стратегического действия – национальной (в новоевропейском понимании этого термина) корпорации элит, то есть истинного правящего класса, а не простой суммы конкурирующих олигархических кланов. Национальной корпорации, видящей для себя резон в национальной синергии – совместном обустройстве страны и государства, исходя из долгосрочных целей социального общежития.

Поиск обращенной в будущее программы действий России, формулирование ее оптимальной «повестки дня» в третьем тысячелетии и формирование цветущего интеллектуального ландшафта, приобретает в этих условиях характер императива. В противном случае страну ждет состояние социальной апатии, деморализации, коррупции общества, и, в конечном счете, его аномизации (что, согласно Эмилю Дюркгейму, есть не что иное, как социальный аналог самоубийства). В этой связи, кстати, красноречив и выразителен эклектичный выбор современных российских национальных символов, парадоксальным образом, не объединяющих, а, скорее, разъединяющих общество.

Обращает на себя внимание также удивительная интеллектуальная скудость предлагаемых обществу партийных и политических текстов, выстраиваемых социальных перспектив. Все-таки удивительно, что постсоветская Россия оказалась пространством со столь скучным – в творческом, интеллектуальном, духовном отношении – пейзажем. Для многих это стало роковой неожиданностью. По поводу причин данного феномена существуют различные мнения, но, пожалуй, не это сейчас главное для нашего рассуждения. Главное же здесь то, что данная грустная констатация, по большому счету, никем, в общем-то, не оспаривается. Подспудно возникает вопрос: а произошла ли вообще в стране революция, или же имеет место некий странный и бесконечный «процесс реформ», под флером благих «деклараций о намерениях» гротескным образом продлевающий жизнь – пусть и в заметно обновленных формах – далеко не самым перспективным и симпатичным реалиям прошлого?

Что же касается положения страны во внешнем мире, то некоторое время назад отчетливо прозвучал тезис: *«Пришла пора серьезно задуматься о мире без России»* (его, если не ошибаюсь, сформулировал Томас Грэхем – на тот момент научный сотрудник Фонда Карнеги, а затем – один из потенциальных кандидатов на пост посла США в России). Другая формулировка этой же мысли: *«Существование России есть не данность, а проблема»*. В настоящий момент острота ситуации, правда, заметно сгладилась, сейчас данная тема вроде бы не слишком актуальна, но колокольчик прозвенел... На чем, однако, основана внешнеполитическая стабилизация России? В общем и целом – на выраженной готовности к тесному сотрудничеству с США, преимущественно, в русле двух непростых сюжетов современности.

Первый из них (геополитический) – сотрудничество в сфере безопасности, включая молчаливое стратегическое партнерство в формировании обновленного статуса Центрально-Азиатского региона. Создаваемый в новом геополитическом сердце мира плацдарм (особенно в случае его распространения в Закавказье) облегчает Америке

контроль над Большим Ближним Востоком, имея в виду и иракскую ситуацию, и сценарии израильско-палестинского противостояния, и наметившийся общий кризис в отношениях с арабским миром, и иранский узел, и район Каспийского бассейна, и мониторинг кашмирской зоны индийско-пакистанского конфликта и т.д. Кроме того, Центральная Азия – прекрасная геостратегическая площадка для контроля над внутренними районами Китая, где расположены ядерные объекты Пекина.

Второй сюжет (геоэкономический) тесно связан с судьбой российского нефтегазового комплекса в связи с наметившимся пересмотром Америкой своей глобальной энергетической стратегии. Россия, резко наращивая в последние годы добычу и экспорт нефти, являясь вторым по объему мировым экспортером в этой области, становится важным элементом возводимой Вашингтоном альтернативной энергетической конфигурации. Ее опорными точками могли бы стать – помимо играющего свою особую роль Северного нефтяного бассейна Европы: (1) Россия (а в перспективе – также все пространство Каспийского нефтяного бассейна); (2) Северная и Латинская Америки (Канада, Мексика и Венесуэла); (3) нефтедобывающие неарабские страны Африки, расположенные к югу от Сахары (прежде всего – Нигерия и Ангола).

Иначе говоря, Россия-РФ, лишенная на протяжении длительного времени собственной внятной стратегической инициативы и конструкции, оказывается встроенной в активно создаваемую чужую, закрепляя за собой роль объекта – управляемого сырьевого придатка. Сокращая, таким образом, пространство собственной суверенности, сужая спектр геоэкономических возможностей и значимых стратегических инициатив в наступившем столетии.

В 2003 году, между тем, просматриваются:

- вероятность развития общемировых кризисных тенденций и ситуаций;
- возможность ухудшения положения в России непосредственно перед парламентскими выборами (т.е. поздней осенью).

Особый фактор – ускорение процесса транснационализации российских элитных группировок в условиях отсутствия выраженной «национальной корпорации» и вероятность развития ряда нежелательных трендов в данной области, устойчивого перехода хозяйства страны на не вполне суверенный тип управления.

В качестве же ключевых вопросов повестки дня России в будущем году видятся:

(а) анализ перспективы и последствий долговременного падения цен на нефть на глобальном рынке, в частности, предпосылки развития со временем на этой основе бюджетно-инвестиционного кризиса;

(б) возможность, в случае ухудшения экономической ситуации, серьезной реконфигурации (вплоть до распада) эклектичного консорциума российской элиты, а также вероятность существенных рокировок и других значимых нестроений внутри сложившихся элитных группировок;

(в) императивный характер для политического истеблишмента поддержки стабильности социального контракта и всей актуальной политической конструкции в период выборного марафона;

(г) растущие неурядицы с идеологическим и политическим обеспечением проводимого в стране курса реформ, отсутствие устойчивой смыслообразующей конструкции в данной сфере, вероятность формирования «новой перспективы» и ее генералитета.

Рассматривая складывающуюся в стране ситуацию с позиций миссии президентской власти, еще раз подчеркну – необходимо (в русле грядущих институциональных трансформаций) значимое присутствие в государственном и национальном теле вневедомственного органа по стратегическому анализу и долгосрочному планированию. Фактически, своего рода гражданского Генерального Штаба – с выходом на президента, либо непосредственно, либо формально *via* Совет Безопасности – для комплексного, если не контроля, то хотя бы мониторинга развития мировой/национальной ситуации с точки зрения ее стратегических (рамочных) условий (т.е. функция, явно выходящая за пределы компетенции правительства).

Иначе говоря, следует отойти от всепоглощающей практики рефлексорного – пусть порой и эффективного – реагирования на возникающие проблемы (что, конечно же, неизбежно и необходимо, но по самой своей природе частично и вторично, как всякое следствие). Перенеся внимание на суммарный вектор социополитических интенций государства, на отслеживание подвижных горизонтов судьбоносных трендов, на удержание смыслового контура складывающейся на планете ситуации и целенаправленного на нее воздействия. А в качестве путеводной нити в динамичном калейдоскопе стратегических операций – избрать поддержание интеллектуальной насыщенности пространства стратегических коммуникаций, устойчивости генеральной конструкции общества, ее культурной и стратегической матрицы. И затем уже, на данной основе, строить оперативно-тактические конфигурации, способные выдерживать сюрпризы времени без опасности обрушиться в одночасье как картонный домик.

Центральный нерв президентской власти таится, скорее, в сфере политической семантике, нежели в практической политике (недаром столь очевидна преемственность данного института власти, при всех его модификациях, от института «держателя и суверена»). Верховная власть органичным образом расположена в «солнечной», а не в «лунной» части политического спектра, и это не пустая риторика. В противном случае, особенно если власть уверует во всемогущество политической интриги, фундаментальное доверие к суверенной и представительной форме национального правления, легитимность власти, сама ее метафизика рано или поздно подвергнутся – как извне страны, так и внутри общества – более чем серьезной коррозии, а возможно и распаду.

Императивность мер по стратегическому, интеллектуальному обустройству системы верховной власти усиливается тем обстоятельством, что Россия в настоящее время активно встраивается в новую историческую конструкцию во внешнем мире и одновременно переживает заметную трансформацию по осям своих внутренних координат. Треснувший каркас прежней архитектуры (а также связанной с нею ментальности) в меняющейся ситуации в основном лишь умножает проблемы в ответ на множющиеся вызовы времени, создавая ощущение неэффективности управления, нарастания хаоса. Тут многое необходимо осмыслить и переосмыслить, в том числе – и далеко не в последнюю очередь – в институциональной сфере.

В любом случае при заданных историей обстоятельствах необходимо создание постоянного института (опять же вневедомственного, иначе интеллектуальный уровень его деятельности может оказаться существенно профанированным) для развития стратегической коммуникации (не формальной и не номинальной). То есть для перманентного *brain-storming*'а значимых ситуаций и трендов их развития в различных взаимозависимостях (как между собой, так и с точки зрения ожидаемых международных и внутренних подвижек).

В заключение хотелось бы сказать буквально несколько слов об актуальных внутренних процессах развернувшихся в России в последние годы. С какого-то момента начинает обращать на себя внимание возникающая дисгармония двух властных пространств – картографии «политической элиты» и картографии «реальной экономики». В сущности, элита у нас формировалась по степени близости к тому или иному источнику власти, причем достаточно эклектичным образом в смысле обладания и управления теми или иными видами ресурсов. Но постепенно более значимой становится другая форма картографирования власти – через причастность к конкретному кластеру экономических реалий – например, к производству энергоносителей, либо, напротив, к группе производств, связанных с их потреблением, т.е. с интенсивным использованием электроэнергии.

Между данными группами то и дело возникают существенные противоречия – неизбежные при пересекающихся, конфликтных полях интересов, – в том числе по проблемам, затрагивающим направления политического и экономического курса страны, ее внешней и внутренней политики. Вопросы динамики цен на энергоресурсы, реализации той или иной масштабной внешнеэкономической комбинации редко рассматриваются в сугубо экономическом плане. На практике в данной сфере вполне эклектичным образом сосуществуют и реализуются порой совершенно разные стратегии, специфика которых выражает существенные финансово-экономические интересы тех или иных сегментов элитных группировок, подрывая архитектуру сложившихся ранее политических связей.

И опять же, рассуждая о процессах в стране, никоим образом нельзя забывать, что российская политическая площадка локальна по отношению к некоторой глобальной конструкции, к внешнему миру, который является активно действующим субъектом на данной площадке, причем сразу в нескольких ипостасях. В этом контексте также обозначился определенный разлом между группировками: тесно связанными с экономикой России, и достаточно нейтрально относящимися к тому, действовать ли им на национальной территории или же в транснациональной геометрии.

Еще об одной «изюминке» российского коктейля просто упомяну напоследок: о конфликте, который созревает между двумя поколениями молодых (по историческим меркам) российских элит – «приватизационной» и «постприватизационной». То есть в стране существует устойчивый и вполне определенный элитный круг, который генетически тесно связан с приватизационным процессом. И постепенно выстраивается круг элиты, в достаточной мере свободный от этого наследия. Между ними есть существенные различия.

Благодарю за внимание.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА *

– Александр Иванович, я коротко расскажу, с чем связаны мои вопросы: с момента опубликования доктрины развития Северо-Запада прошел определенный период, в течение которого в регионах появились собственные стратегические разработки, а в четырехлетних программах развития (губернаторских) позиции, непосредственно связанные с данной доктриной. Так родилась идея просмотреть все эти возникшие и продолжающиеся рождающиеся концепции на предмет их реальной стратегичности. Однако, занимаясь этой работой, я поняла, что критериев, по большому счету, как бы и нет.

Реально существует два формата подобных документов: (а) ориентированные на альтернативные образы будущего и другие динамичные контексты; (б) «замкнутые на себя», квазиавтаркичные программы развития. Можно сказать, что первые работают с процессом **развития**, а вторые, более шаблонные, связаны в основном с процессом **воспроизводства**. Что все же не отменяет их стратегичности. В связи с этим у меня возникло два вопроса:

- на основании чего можно установить стратегия это или нет, по каким элементам и блокам можно пытаться это определить;
- и второй вопрос, связанный уже с региональными стратегиями – какие факторы или условия должны быть учтены для фиксации их стратегичности?

Во многих стратегиях важным фактором является, к примеру, географическое или геополитическое положение. И это, на мой взгляд, один из возможных критериев оценки. Вторым фактором могла бы стать оценка ресурсов, потому что цели могут быть поставлены наполеоновские, а ресурсов для их реализации на деле не оказаться. Пример с Калининградом: в «Модели развития – 2001 года» говорится о необходимости развивать туристический бизнес, хотя лишь один сайт в Интернете рекламирует базы отдыха Калининградской области, а земли, годные для развития туризма, уже скуплены, но совсем для других целей. Так что момент реалистичности в стратегиях тоже, наверное, должен присутствовать. Мне, однако, хотелось бы уловить саму суть стратегического подхода к тем или иным явлениям.

– Здесь я услышал для себя два вопроса: первый касается критериев стратегичности, второй – ее наполнения. Сразу же оговорюсь, под стратегией до сих пор понимаются достаточно различные коды мыслительного действия, это полисемантическая конструкция, и мнения относительно ее специфического содержания порой существенно разнятся.

* На вопросы Натальи Труновой – помощника научного руководителя Центра стратегических разработок Северо-Запад – касающиеся стратегии и ее модификаций в современном мире, отвечает заместитель директора Института экономических стратегий Александр Неклесса. Полный текст интервью готовится к публикации в журнале «Экономические стратегии», 2003, №1.

Генезис стратегии проистекает из динамичного искусства войн (явных и тайных) и познанных принципов ведения «большой игры». Но при этом возникает распространенная ошибка – смешение стратегии и политики, хотя подчас, действительно, это сложно расчлняемые понятия, своего рода ДНК и РНК властных комбинаций. Мне, однако, кажется, что причина подобного неразличения в значительной мере также психологического свойства. Сейчас само слово «стратегия» любят употреблять как обладающее более высоким статусом, как «более красивое». Может быть именно поэтому, читая современные документы, сталкиваешься с тем, что политика сплошь и рядом называется стратегией. В чем все-таки разница? У стратегии есть чувство масштаба (*стратегия – умение мыслить масштабно*) и три специфические составных части:

1. Первая из них, лежащая, в общем-то, на поверхности, – *целеполагание*. Но в отличие от практической политики, именно скорее деятельное целеполагание, нежели просто формат и рамки достижения цели. Политика – понятие широкое и многозначное, претендующее на охват всякой целенаправленности в человеческой практике. Существует ее широкий горизонт, ее абсолют – своего рода «политика-маршал» (или точнее, пожалуй, «государь»), высшее выражение практической мысли. И, одновременно с этим, более узкое, более прагматичное прочтение – текущая повседневность, конкретные «солдаты-политики».

Можно также говорить о политике как об архитектонике человеческих побуждений, как об энергийном пространстве и картографии распределения земной власти. Наконец, как о принципиальной оргсхеме всех и всяческих цепочек управления. (Что, в целом, пожалуй, ближе к пониманию политики Аристотелем.) И о политике как об искусстве мотивации человеческой деятельности, как о совокупности, о своеобразном «сериале» последовательных операций в данной области. (Здесь уже находится, скорее, сфера рассуждений Макиавелли, ареал «политики как искусство возможного».)

Политика, в сущности, – это целенаправленная проекция власти на некоторое предметное поле. Она тяготеет к достижению того или иного властного результата – изменения параметров реальности – и потому занимается материями, необходимыми для обеспечения желаемого эффекта. Конечно, и в политике прописана своя цель, – но акцент сделан все же на общих принципах и параметрах жизнеустройства, а не на конкретном формотворчестве, не на деятельном целеполагании как таковом. Определение конечной цели для того или иного субъекта действия есть специфическое тело особого движения ума, возникающего в данном контексте, особого агента действия («политического генерала», пользуясь введенной выше метафорикой), – *стратегии*, которая, чтобы быть оптимальной, должна правильно распорядиться обстоятельствами и ресурсами своего случая. Стратегия, таким образом, есть высшее выражение действия.

У стратегирования иная конфигурация, другая доминантность, нежели у политического мотива. Для него самое существенное – верно определить обозримую и значимую цель, «реперную точку», выделив ее в зыбком океане возможностей и вероятностей, наметив при этом общий вектор, генеральную идею правил и процедур продвижения к ней. Иначе говоря, цель должна находиться в поле возможностей и, одновременно, – чтобы получить действительно стратегический результат – должна трансцендировать их конвенциональность. То есть речь идет все-таки не о практических алгоритмах действия в той или иной ситуации, а, скорее, о некотором их смысловом стерж-

не, об идеальной и в то же время вполне конкретной модели, о стратегической матрице, объединяющей всю релевантную сумму действий, определяя примат качественных параметров над количественными. (Как частный случай данное специфическое свойство отражено в феномене стратагемов, этой «тактической отрасли» стратегирования). Мы, конечно же, привыкли, что в стратегии прописаны пути ее реализации, но, вообще-то говоря, это следующий «этаж», который исполняется средствами конвенциональной политики (или «солдат-политик»).

Что же касается других составных частей стратегического комплекса, то им нередко вообще не уделяется должного внимания, поэтому ряд формальных стратегий, с моей точки зрения, реальными не являются. И об этих важных компонентах следует, наверное, поговорить чуть подробнее.

2. К ключевым элементам стратегической головоломки относится также определение *релевантного контекста*. Это не менее серьезная задача, чем определение цели, потому что правильное решение первой части невозможно без второй. Попробуйте определить местоположение некой географической цели и поразмышлять над выбором оптимального к ней маршрута, не имея хоть каких-либо карт.

Чтобы действовать стратегически, необходимо представлять круг актуальных закономерностей, проявляющихся в событиях и способах мышления людей. Описание релевантного контекста, однако же, сложнее, чем кажется на первый взгляд, потому что есть: (а) контекст известный, (б) контекст актуальный и (в) контекст грядущий, еще только складывающийся. И если данная многослойная формула осознается, хотя бы на интуитивном и практическом уровне, – уже хорошо. Однако гораздо чаще систему целеполагания выстраивают в рамках «сложившегося контекста», что подчас означает – в рамках устаревшей и потому ущербной картины мира, с учетом уже не существующей реальности (и без учета новых влиятельных факторов). Надо, правда, отметить, что в ряде ситуаций это особой роли не играет, например, в тех случаях, когда среда инертна.

Но мы, как я понимаю, обсуждаем сейчас стратегирование в социальной сфере (в широком смысле этого понятия, включая и политическую и экономическую проблематику; т.е. понимая социальность как интегрирующее понятие). И в этой динамичной области человеческой деятельности знание еще непознанного, но реального, «сиюминутного», а еще лучше – становящегося, грядущего контекста, весьма актуально.

Среда обитания современного человека – динамична, условия практики – изменчивы. Актуальный контекст частично прописан, частично нет. Степень новизны тех или иных его элементов нередко уясняется лишь непосредственно из практики, порой ценою жестоких уроков, нечто постигается заранее, исходя из профессионального опыта и интуиции, что-то на основании оказавшемся состоятельным прогноза. Причем хорошо схваченный актуальный контекст имеет специфический, не слишком приятный оттенок, – он носит синтетический, не полностью отрефлексированный, «химеричный» характер (и это его достоинство, а не недостаток). Когда вниманию планировщика предлагают две прописи, отражающие текущее состояние дел: одну – гладко прописанную на основании солидных источников, другую – представляющую несколько ключевых текст, наполненный заусенцами неустоявшегося, но актуального опыта, – то вторая модель на практике являет собой бóльшую ценность, что бывает, к сожалению, подчас совершенно не очевидно и осознается лишь впоследствии.

Сложившийся и хорошо прописанный контекст – лишь платформа, «поле» развертывания некоторой ситуации. Тут и возникает проблема опознания *статуса реальности*: изменившегося, но пока еще не формализованного положения вещей, а также проблема работы с поступающей информацией. Однако вот еще один парадокс – для стратегирования информация порой является не благом, а своего рода гириями. Все дело в критериях ее оценки, которых, если вдуматься, в подобной ситуации у нас острый дефицит (особенно, если дело касается реальной новизны).

Опираясь со вполне солидными источниками, описывающими те или иные элементы релевантной ситуации, мы легко можем впасть в ошибку, познавая контекст, который на деле не существует. Потому столь важна фигура эксперта не только обладающего профессиональными знаниями, но также являющегося носителем живого опыта – межсистемной, интердисциплинарной «ориентации на местности», выраженной в профессиональной интуиции. И одновременно с этим – необходимо наличие некоторого фундаментального инструментария, не слишком подверженного ветрам перемен. Так что добывание сведений и их анализ – два разных искусства и достаточно различные сферы деятельности (цена пониманию этого факта порой оплачивается гибелью государств, не говоря уже о фиаско их систем стратегической разведки).

Однако наиболее сложен для моделирования третий вид контекста – лишь прописывающийся, гипотетичный; его познание и учет связаны с важнейшей темой преадаптации, здесь же ограничимся лишь указанием на высокую ценность уяснения его существа и хотя бы некоторых пропорций⁵.

3. Третья позиция стратегического комплекса – определение *субъекта стратегии*. Подчас, излагая данную позицию, видишь на лицах недоумение: настолько субъект кажется естественным, вполне определенным компонентом стратегии. И это действительно так, точнее, должно быть так, но на практике далеко не всегда бывает верно определено в смысловом тексте стратегии, из-за чего впоследствии возникают совсем не простые коллизии.

Попробую пояснить то, о чем говорю, на близком Вам примере. Когда речь идет о стратегии Северо-Западного региона, я могу задать «детский» вопрос: «А простите, что это такое в смысле субъектности?» Потому что можно насчитать полдюжины субъектов, равно значимых в данной позиции: например, представитель президента, лицо, безусловно, выражающее интересы округа, но интересы, прочитываемые с точки зрения федерального центра. Это одна позиция.

Другой потенциальный субъект – сумма интересов руководителей областей (причем различная в различных конфигурациях), понятно, что у них может быть иное целеполагание. Далее – бизнес-элита региона, ее корпорации – еще более сложное образование, к тому же вряд ли преследующее единые цели. Она, тем не менее, также субъект стратегирования, и даже может создать собственный, альтернативный орган по стратегированию, а интересы ее могут лежать в широком диапазоне от «регионального патриотизма» до предпочтения транснациональных схем развития. И при этом согласитесь, бизнес-элита в своих различных ипостасях не является прямо заявленным, оче-

⁵ См. интервью А.И. Неклессы «Новая картография мира» в журнале «Экономические стратегии» №1, 2001 г.

видным, лежащим на поверхности субъектом стратегии региона. Наконец, – население округа, имеющее собственные интересы, а значит и свое прочтение стратегии. И так далее.

Уверяю Вас, на каждой из этих позиций нас ждут дополнительные сюрпризы. Но в данном случае мы разбираем не систему стратегирования Северо-Западного округа, а теоретическую проблему. Таким образом, третья, причем наиболее неочевидная позиция – определение субъекта стратегии. Надо сказать, что на практике это всегда несколько двусмысленное понятие, потому что, если кто-то заказывает стратегию, то стратегия, как правило, и делается для него, а это может иногда расходиться с формальной прописью. Или же работа может быть выполнена буквальным образом, и тогда ее результат может разойтись уже с интересами непосредственного заказчика.

– Действительно, это важная проблема. Корпоративные стратегии, если они есть – в основном закрытые. Так называемых населенческих, – просто не существует. А то, что выдается за региональные стратегии...

– Это в основном версии корпоративных...

– Трудно не согласиться. Мой вопрос заключается в том, каким же образом можно увязать интересы разных субъектов при смене масштаба. Может ли подобный, интегрирующий различные интересы субъект быть искусственно создан? На Северо-Западе была попытка создать такого гомункулуса – своего рода тройственный союз бизнеса, власти и населения. Удалось это или нет – мнения разнятся. Но каким образом, за счет каких действий эту коллективную субъектность потом удерживать?

– Путь Вы уже наметили – это корпоративные стратегии, но в другом смысле, нежели в предыдущем рассуждении. Здесь ключевое слово – консенсус – понимаемый как «собираение интересов». Трудность, которую придется при этом преодолевать, может быть обозначена как проблема «лебеда, рака и щуки». То есть должен быть доминирующий социальный субъект, «региональная корпорация», которая в разработке и реализации стратегии заинтересована больше, чем другие субъекты.

Второе, о чем хотелось бы сказать, – удержание реалистичности стратегирования, потому что, когда все эти материи увязываются лишь на формальном уровне (на основе теории игр и так далее), то подчас возникают совершенно тупиковые ситуации. Особенность же социальной деятельности – императив сохранения динамической целостности системы, купирование социальных разрывов, особая конструктивность, проявляющаяся, в частности, в феномене «дьявольской альтернативы»...

Единство легко достигается в мобилизационной ситуации, когда создавшееся положение чревато общей деструкцией и у субъектов есть веская причина совместить свои интересы в деятельный консенсус. Сложнее приходится в ситуации изобилия или неопределенности: у каждого из субъектов своя правда и свой горизонт поисковой активности. В сущности, мы имеем нечто, отдаленно напоминающее синергию левого и правого полушарий мозга, где тоже актуальна проблема выработки единой стратегии действий (и своя типология фундаментальных неудач – например, шизофрения).

То есть здесь с точки зрения стратегического анализа присутствуют два компонента – выявление объективных интересов и выделение обобщающей доминанты. Вме-

сте оба компонента дают стратегию, а частность, вырванная из этого контекста, дает что-то другое. Чаще всего в этом случае сталкиваешься с той или иной формой частной политики – с системой мер по обеспечению достижения какой-либо автономной цели.

Сама материя социального текста чем-то нам помогает, а не усложняет ситуацию, поскольку на социальном материале все же чаще проявляется конструктивность действующих субъектов (что с формальной точки зрения вроде бы совсем не обязательно). По крайней мере, так было, хотя можно смоделировать и иной социальный космос, ориентированный на деструкцию. В конструктивном же космосе всегда можно находить баланс интересов с выделением консенсусной доминанты. На этом, кстати говоря, базировалась такая стратегическая формула международных отношений как «равновесие страха». И то, что в настоящее время доктрина сдерживания становится неэффективной, наводит на серьезные размышления...

– Александр Иванович, если позволите, следующий вопрос как раз по расчленению этих понятий политики и стратегии. Потому что политика-то как раз ассоциируется с «видением» субъектов друг друга...

– Конечно, я практически не рассматривал политику: у политики, безусловно, есть свое специфическое поле – коммуникация между субъектами в том числе...

– В каком тогда соотношении находятся стратегия и политика?

– В самом непосредственном, поскольку стратегия – это геном, а политика демонстрирует, скорее, свойства гена, этих материй мы с Вами уже отчасти касались. Политика как категория связана с мировоззрением и правом, ее фокус – начала и принципы, *основания* деятельности человека в мире, стратегия же сопрягается с активным представлением будущего, т.е. с планированием и проектом. Иначе говоря, амбиции политики, социальной политики, заключены в свойствах и содержании реальности, амбиции же стратегии сосредоточены более на динамике ее (реальности) форм, на их будущих конфигурациях. Политика есть конституция реальности, это способ практического мышления, семантика действия и бытия, его смысл. Стратегия же – управляющий действиями язык, фиксирующая и организующая матрица, синтактика, а порою и прямая речь (прагматика и маршрутизация целеполагания).

Вот тут, если позволите, сделаю небольшое отступление от основной темы беседы. В связующих политику со стратегией многомерных пространствах таится некий подспудный конфликт, и даже разлом, связанный как с суетной, так и с теневой сторонами человеческой природы. Разлом, глубина которого, будучи в какой-то момент обнажена и вскрыта, способна коренным образом изменить мир, прямо-таки перевернуть его. Уплотнение политики – равно как и ее толкований – есть метафизическое преступление против общества. Политике противопоказано замыкаться в поверхностном и низком прочтении бытия, принципиально искажая свою природу (в том смысле, как определял ее Аристотель), но человек, разумеется, может сотворить и такое. Сделав же достаточно иллюзорную ставку на голую прагматику, «реальную политику», тесно прильнув к утилитарно понятой стратегии, фактически слившись с нею, политика на деле проваливается в иные, неочевидные, неотчетливые и непознанные до конца метафизические глубины.

Человеческое общество, однако, на протяжении известной нам истории проявляет, в целом, удивительную стойкость здравого смысла. Во всяком случае, несмотря на регулярно повторяющиеся социальные катастрофы, мир целенаправленного, самодостаточного зла, общество самодеструкции остаются пока «ночным кошмаром» истории, но не ее реальностью и тем более не ее явленной миру повседневностью. Мы лишены многих знаний в данной области, и это, наверное, благо. Однако подобный мир вполне можно *спроектировать*, спроецировав значимые негативные интенции на те или иные знаковые ситуации, социальные комплексы (подобно тому, как люди проецируют в быту многие свои подсознательные страхи), а раз так, то у данной модели, безусловно (хотя ситуация и остается гипотетичной), имеется собственная образность, стилистика и мифология. Имеется также своя, с каждым разом все рельефнее прочерчиваемая гипотетическая стратегия (но уже не как «сон истории», а как алгоритм действия, как русло человеческой энергии, лишенной флера лицемерия, т.е. необходимости платить дань добродетели).

Вполне сознаю, что у подобной точки зрения найдется немало оппонентов, которым есть что возразить, и что предъявить суду истории. Между тем сонм известных исторических чудовищ, неся впечатляющее бремя человеческих страстей, заблуждений и пороков, не был, вместе с тем, полностью свободен и от качеств человечности, что равным образом (и, даже, пожалуй, в еще большей степени) относится к обслуживавшей их аппетиты политической машине. Очерняя, искажая и упрощая реальность практического (не метафизического) зла, мы, пожалуй, оказываем дурную услугу будущим поколениям, упрощая для ревнителей ночной стороны жизни переход очередного морального/метафизического рубежа (ссылаясь на фиктивный прецедент).

Так, став фактом общественного сознания, рожденная благими намерениями карикатура получает шанс стать со временем и фактом истории. У зла есть свои безумные пророки и святые, причем это далеко не всегда его очевидные сторонники и практики. Однако же вернемся к более утилитарным сопряжениям и различиям между политикой и стратегией.

Политика есть осмысление человеческой практики, проявляющейся в межличностных и групповых отношениях. Причем квинтэссенция, «мудрость» этих взаимоотношений выражается в этике (по Аристотелю, – уж коли мы начали на него ссылаться, – «начале», истоке политики, а в современном понимании, напротив, некоего антипода политической деятельности). Сама же политика как таковая тяготеет, скорее, к «практическому знанию» и как феномен – к «умению», к прагматике. Политика выше и, одновременно, ниже стратегии. То есть стратегия погружена в политику, выполняется средствами политики и сосуществует с политикой в достаточно неразрывной связи. Стратегия есть морфологема политики. (Когда, скажем, Вы садитесь играть в шахматы, то, по крайней мере теоретически, решаете сначала *политическую* проблему, некий «гамлетов вопрос» ситуации: чего Вы собственно хотите – выиграть или проиграть, а затем уже намечаете оптимальную *стратегию* реализации принятого решения, хотя это, наверное, излишне поверхностная аналогия.)

В то же время стратегию нельзя реализовать без политики, я бы даже сказал, без политик. Потому что стратегия обычно опирается не на одну политику, а на ряд типологически различных, но взаимосвязанных политик. Это и «политическая политика», и

экономическая, и культурная. Но стратегия, как интегратор, как «император» действий, остается при этом одна, пусть конкретных политик (политик-тактик) много – действуют-то они во взаимосвязанном, синергетичном единстве (это в идеале), интегрируя интересы субъектов, учитывая актуальный и становящийся контекст, и в данной среде, выстраивают свое особое целеполагание.

Насущная необходимость стратегии сама по себе есть признак определенной значительности субъекта, значимости его действий по отношению к другим субъектам политического поля, а также значимости или экстраординарности возникшей ситуации. Стратегия изначально понималась как воинское состояние, как «императорство» (в том значении этой должности, которое изначально закладывалось в нее в Римской республике), т.е., в сущности, как *особое усилие*, особое состояние по отношению к мирному, «нормальному» течению жизни.

Стратегия непрерывно решает парадоксальную, нелинейную задачу: (1) удержания некой собственной рамки – «правил игры» как базового набора принципов и приоритетов (что подчас связано с необходимостью принесения жертвы, вспомним ситуацию знаменитой «дьявольской альтернативы») и (2) особой трансценденции существующей реальности, преадаптации к новым «правилам игры» («будет, потому что хотелось бы, и поэтому может быть»), т.е. подспудного культивирования будущего, преодоления напасти, «борьбы за темп»⁶. При всем том человеческая деятельность свободна от тотальной власти стереотипов, и уникальные цели достигаются порой уникальным образом.

Ограничена чем-то сама стратегия? Конечно же. Ее пространство и «форма» определяются мировоззрением и рамками допустимого на данный момент, т.е. диапазоном практики (даже если речь идет о ее настойчивой трансценденции), а в формализованном виде – доктриной, или общей концепцией действий в соответствующем сегменте реальности. Правда, существует и проблема отрицательной обратной связи – ригидное, одномерное прочтение стратегии (равно как и политики) чреватое механистичным, технологическим пониманием политики (или стратегии), низведением их до уровня самоимитации и плоского симбиоза, т.е. до феномена «политтехнологий». Подобное понимание стратегии способно катастрофически уплощать архитектуру политического акта, избыточно прагматизировать его, сводя *практическую* суть деятельного комплекса исключительно к *прагматической* рецептуре действия.

– В этой связи хотелось бы узнать о современном состоянии корпоративных стратегий, о развитии корпоративной культуры в целом: есть ли в этой области какие-то существенные новации?

– Современные корпоративные стратегии отчасти есть развитие стратегий военных и политических, что фиксируется сейчас понятием «геоэкономика». Корпорации реализуют себя в рамках определенного уклада, который, являясь контекстом их деятельности, во многом определяет, «матрицирует» поле возможностей и сами формы активности.

⁶ См. интервью А.И. Неклессы «Первая война XXI века» в журнале «Экономические стратегии» 2002, №5-6.

Так, в XX веке, в результате стремительного развития производительных сил – достигнутого на волне инноватики, научно-технической революции – существенно изменилось соотношение между производством и маркетингом, ибо основной «головной болью» экономики стало не производство, а платежеспособный спрос. При этом процесс ценообразования постепенно уходил от жесткой связи с себестоимостью продукта, ориентируясь, скорее, на возможности и желание потребителя, что в свою очередь потребовало перманентного обновления форм подачи продукта, совмещения его потребительских свойств с меняющейся модой, долгосрочной ценовой политики, формируя, в русле «престижного потребления» все более широкий кластер «искусственных потребностей».

В скобках я бы отметил, кроме того, развитие различных деструктивных технологий – в частности, появление феномена высокотехнологичных войн и локальных конфликтов, – а также общее *торможение* научно-технического процесса к концу века, установившийся здесь приоритет оптимизационной инноватики (над инноватикой радикальной) и серьезное обсуждение соответствующих (также «оптимизационных» по своей природе) социальных следствий.

В свою очередь весь этот массив изменений предопределил нарастающие усилия корпораций по *преадаптации* – поиску новых ниш деятельности, новых предметных полей, что позволяло на какое-то время запускать квазимонопольный характер ценообразования, но, главное, очерчивало и «штамповало» в сознании потребителей определенный сегмент реальности, прочно связывая его с тем или иным «брэндом». Типичная в этой области ситуация стала в конце концов определяться соотношением: «продается товар, покупается – бренд».

Приблизительно на рубеже 70-х годов мир – его наиболее динамичная часть – уверенно вошел в постиндустриальную эру. Постепенно в рамках прежнего контекста сформировалась новая концепция деятельности, связанная с растущим уровнем информационно-коммуникационных возможностей, т.е. с существенным изменением социально-экономической «среды обитания». Все это оказало заметное влияние на организацию корпоративной деятельности, на ее формы, на технологии управления и развития, на иерархию, динамику и состав элит. Во-первых, в новой среде стремительно развивались стратегии гибкого, полисемантического управления рынком. Во-вторых, возросло значение капитализации, которая, конечно же, связана с текущей доходностью предприятия, однако в новых условиях все более значимую роль стала играть «корпоративная аура» – позиционирование корпорации на рынке (желательно на глобальном рынке) и в обществе в целом. А также перспективы ее развития (т.е. не реальное, а ожидаемое состояние), влияние, другие нематериальные факторы и активы и т.п.

Данное, быть может и не вполне очевидное в своем принципиальном различии расщепление, можно образно сравнить с соотношением мутационного фактора и механизмов естественного отбора в процессе эволюции. Первый создает качественные прорывы, второй – обеспечивает планомерное освоение открывающихся ниш. На этой основе со временем начал складываться особый тип корпоративной культуры, тесно связанный с постиндустриальным укладом бытия и сетевой культурой в целом, который я называю феноменом «амбициозной корпорации».

– Не могли бы Вы подробнее осветить данный феномен?

– Амбициозная корпорация (АК) в центр своей активности ставит некую нематериальную модель, серьезно понятую миссию, идею специфического типа развития. Если угодно – собственное прочтение реальности бытия. По этой шкале, по своему соответствию данной интегрированной нише меряются прочие виды корпоративной активности. Вокруг подобного смыслового центра выстраиваются различные конфигурации, многоформатная сеть: ассоциации, группы, сообщества, клубы... Причем решение ряда конкретных рабочих схем передается сопредельному организационному рою на условиях аутсорсинга. В целом действия подобного агломерата тяготеют к совмещению интенсивной поисковой, «проектной» активности с системностью экстенсивных, пакетных действий в избранном в тот или иной момент направлении. АК применяет при этом особые, матричные технологии, организующие, «топологизирующие» среду, создающие желательные для стратегических целей и текущей деятельности корпорации коллизии и ситуации

Ориентация амбициозной корпорации на максимально гибкие организационные схемы хорошо защищает ее даже в случае весьма серьезных потрясений. Она вполне способна пожертвовать частью ради сохранения целого (тем более, что пути достижения желаемой цели формируются по сценарному принципу). Кроме того, подобный тип организационной культуры позволяет оперативно реализовывать групповые действия в широком масштабе, одномоментно решать комплексные и различные задачи, выстраивать системно-модульные схемы. Все это, впрочем, делалось и раньше, но масштаб и оперативность действия были совершенно иные. Глобальный, куммулятивный эффект в нашем случае достигается за счет освоения современных технических и технологических механизмов. Иначе говоря, полномасштабная реализация подобного феномена оказалась возможной лишь на основе постиндустриального уклада.

Но, пожалуй, главное отличие амбициозной корпорации – расширение пределов собственной компетенции, синтетический подход к человеческой деятельности, совмещение экономических, политических, культурных задач «в одном флаконе», что позволяет решать каждую из них в отдельности гораздо эффективнее за счет достигаемого синергетического эффекта. В сущности, речь идет уже не о хозяйственной деятельности, а о развитии новой системы управления, о решениях, касающихся стратегий развития человечества, о властных импульсах, формирующих сам контекст принятия подобных решений. В своих различных модификациях это, скорее, социогуманитарные, а не экономические образования, объединяющие представителей самых разных направлений человеческой активности. Здесь, кстати, само понятие «корпорация» приобретает прежний, основательно подзабытый смысловой оттенок.

Последнее, что хотелось бы отметить, это широкое распространение на практике «химеричных» форм корпоративной культуры. Иначе говоря, описанный выше статус АК есть все же некая идеальная модель, отдельные элементы которой, однако, активно осваиваются, используются и развиваются влиятельными, амбициозными игроками на глобальной площадке.

– У меня еще один важный вопрос – про методы предвидения будущего.

– Это отдельная, специальная тема, но если попытаться коротко ответить, прогностика – специфическая наука и одновременно искусство. Искусство, понимаемое как искусственность, мастерство, технология. Существуют различные методы прогнозирования, причем их различие весьма велико.

Наиболее простым и в то же время наиболее распространенным методом является инерционное прогнозирование, которое, однако, недостаточно эффективно в современном мире. Инерционное прогнозирование основывается на имеющемся опыте и оперирует проявившимися трендами, экстраполируя их на будущее, т.е. носит вполне эмпирический характер. Полученный подобным образом прогноз, однако же, как правило, разваливается при первом же качественном изменении ситуации (не количественном, а именно качественном). Потому что тенденции ломаются, возникают новые влиятельные реалии, происходит та или иная бифуркация. Однако в более-менее статичной среде метод этот достаточно эффективен.

Какие альтернативные виды прогнозирования нам известны? Существует концептуальное прогнозирование. Попытка представить едва обозначившиеся, но качественно иные горизонты в виде целостной картины, вычленив в ней принципиальную новизну. Метод этот является своего рода реакцией на провалы инерционного прогнозирования, но это все же не прогнозирование в чистом виде, а, скорее, концептуальная разведка.

Кроме того, существует вид прогнозирования, которое называется нормативным. Его можно описать как «активное представление будущего» или «большую стратегию». В России, впрочем, этот вид хорошо известен еще со времен «большого инфраструктурного проекта» КЕПС⁷ - ГОЭЛРО. Его теоретические корни, фактически, коренятся в идеологии Просвещения, а наиболее примечательным примером является марксова ремарка о том, что ученые ранее объясняли мир, теперь же его необходимо преобразовывать. На Западе данный опыт был отчасти реализован в «Новом курсе» Рузвельта и (также отчасти) в экономической программе возрождения экономики Германии в 30-е годы. Где-то с 60-х годов прошлого века технология проектирования будущего активно разрабатывается и осваивается в северо-атлантическом сообществе, хотя, если вдуматься, ведет свою родословную от самого естества капиталистических системных операций.

В сущности, нормативное прогнозирование – это и есть идея планирования будущего. Для жителей постсоветской России она слишком привычна и понятна, потому что планирование будущего было своего рода социальной нормой в СССР. Но с 60-х годов огромный интерес к данной теме возникает и на Западе: Эрих Янч, один из отцов-основателей Римского клуба, разрабатывал ее, ряд институтов, включая тот же Римский клуб, также взялись за эту тему. В чем специфика подхода? Прогнозирование не от настоящего к будущему (что, кстати, снимает трудности, связанные с инерционным типом прогнозирования), а выстраивание алгоритма от будущего к настоящему.

Предельный вариант подобного прогнозирования – применение матричных технологий, которые занимаются не выстраиванием тенденцией, а, скорее, организаци-

⁷ «Комиссия по естественным производительным силам» – российская предшественница ГОЭЛРО, создана в 1915 г. и возглавлявшаяся В.И. Вернадским.

ей среды, в которой те развиваются. То есть технологии формируют «дружелюбную» ситуацию, в которой будут реализованы определенные тенденции.

Но и это еще не все. Пожалуй, самая любопытная ветвь прогнозирования – структурное моделирование, которое исходит из идеи познания целостности, внутри которой развивается тот или иной процесс. То есть, если вы представляете структуру некоторой конструкции в ее предельной полноте и правильно определите своё в ней положение, то сможете спрогнозировать грядущую ситуацию без значимых затруднений относительно качественных переходов. Это настолько вызывающее заявление, что требует пояснений. Все проблемы, связанные с размытостью концептуальной разведки, – я уже не говорю о дефектах инерционного прогнозирования, – здесь все эти проблемы в значительной степени снимаются, поскольку, если у вас есть целостная модель, то есть и маршрут, просто он не прописан. Реальная сложность лишь в одном – правильно определить сроки.

В каждом методе прогнозирования есть свой набор достоинств и недостатков. При инерционном прогнозировании не возникает особых сложностей с определением сроков, а при структурном моделировании время оказывается словно бы выведенным за скобку, не существует. То есть мы видим общую историческую конструкцию и запечатленную в ее морфологии динамику, но никак не «хронометрированную». Ее скорость мы определяем в каждый конкретный момент, соотносясь с событиями. Несмотря на очевидные недостатки, данный инструмент весьма эффективен в турбулентных условиях, позволяя заранее определить перспективную тенденцию и картографию противоположного берега в момент нарастания турбулентностей. Можно также сказать, чем радикальнее ситуация, тем острее нужда в подобном инструментарии.

– Правильно ли я понимаю, что в структурном прогнозировании смена масштаба ничего не означает для образа будущего?

– Структурное моделирование – прогнозирование с широчайшим «горизонтом прогноза», прогнозирование «сверху вниз», и степень человеческой свободы проявляется здесь, скорее, в области определения сроков, нежели форм и содержания. Отчасти все это напоминает ситуацию с нормативным прогнозом, где вектор процесса направлен от будущего к настоящему, здесь же он прочерчен от идеального, вневременного к конкретному, существующему. Фокус при этом, правда, меняется: локальное прогнозирование становится наименее четким, зато понимание основных трендов, понимание соотношения этих трендов, близости и отдаленности качественных переходов относительно определенных ситуаций схватывается лучше.

Но, мне кажется, важнее понять другое – эффективное прогнозирование строится с использованием *всех* вышеописанных инструментов. Именно умелое совмещение инструментария позволяет снимать бремя недостатков и увеличивать влияние достоинств. Все это достаточно виртуозная работа, потому что мы, по сути, создаем прогностическую химеру, инструмент, пользоваться которым непросто: здесь есть определенная доля науки, поскольку имеется формализованный метод, строятся модели, сценарное древо событий... И одновременно – мера искусности, умение сочетать все эти элементы в эффективном результате.

Человек выступает здесь в двойном качестве: как профессиональный инструмент и как «неклассический наблюдатель», влияющий на ситуацию. То есть оператор становится составной частью системы, хотя на практике эту роль чаще выполняет заказчик. Причем помимо практически неизбежного политического ангажирования в той или иной форме, заказчик определяет также формат прогноза. Из чего делается вывод, на каком уровне будет решаться ситуация, в какой степени будут привлекаться различные средства, на какую временную точку будут выводиться тренды и т.п.

– *Каким образом можно «подсчитать» эффективность подобной деятельности, и каким образом удастся отследить результат?*

– Если вы занимаетесь этим в качестве искусства, то есть, если это стало вашим занятием для каких-то Ваших внутренних целей...

– *Разрешите я поясню: сначала Вы выделили три момента – целеполагание, описание контекста и формирование субъекта или позиционирование. Правда, можем ли мы подменять «субъективирование» на позиционирование – не уверена. Здесь, кстати, предполагается и большая доля субъективизма.*

– Специфика данного интеллектуального занятия несет на себе стигмат всех современных социогуманитарных дисциплин: ту или иную меру субъективности, персонализма, а подчас и конъюнктурности – т.е. выстраивания эффективной и работоспособной системы, применительно к конкретной задаче. У нас есть некоторый привычный инструментарий, но применяется он каждый раз по иному. Здесь присутствует элемент искусства, искусности, «нелинейной технологии», но также и определенной редукции культуры. Критерий же – эффективность результата, а методология решения, в конечном счете, базируется на принципе «черного ящика».

Иначе говоря, есть рабочий инструментарий, но нет классической рабочей схемы – это заметное отличие от методологии предыдущих научных и технологических разработок: в социальном пространстве вы действуете в соответствии с социальным заказом, то есть заказ некоторым образом сам выстраивает архитектуру решения задачи. Раньше принципиальная схема деятельного решения была все же иной. Было, скажем, некое знание, например, инженерное знание, и система проектировалась «в чистом виде», безотносительно (в определенной мере) к параметрам конкретной ситуации. А сейчас выстраивается конструкция скорее применительно к вполне определенному запросу из области практики, нежели исходя из более-менее нейтральных принципов научных дисциплин. Или это ваше личное искусство...

– *Я пытаюсь для себя выделить еще несколько блоков в стратегировании. Например, мониторинг - является ли он одним из ключевых элементов стратегирования или нет?*

– Мониторинг это действие, скорее, информационного толка, то есть мониторинг предоставляет различные данные, для того, чтобы определить состояние пространства стратегирования, общую картину процесса. Но иногда, как уже говорилось, информация может вредить, а не помогать. Потому что, если вы работаете с трендами, приближающимися к бифуркационным состояниям, то информация, полученная в ходе мониторинга, в лучшем случае даст сведения о том, что грядет переходная ситуация. Но вас

же всерьез интересует не данная констатация, а будущее состояние системы, характер ее связей и статус тех или иных реалий после перехода, – и здесь мониторинг предыдущей ситуации порой может только навредить. То есть мониторинг – это не базовый элемент, а лишь один из инструментов.

Но опять же повторю, существуют различные виды прогнозирования и стратегирования. Если речь идет о процессе в более-менее инерционной системе, то мониторинг существенно облегчает систему оценок. Однако сейчас интеллектуальным вызовом является все-таки реализация успешного прогнозирования и стратегирования в нелинейных условиях. Чтобы не усложнять наш разговор, я бы оставил за бортом само описание проблем социальной турбулентности, практический инструментарий синергетики, упомянув лишь, что он непосредственно встроен в структурное моделирование развивающихся систем (и социальных в том числе, как части живой природы). Хаос означает вроде бы полное отсутствие горизонта прогноза, но, во-первых, это не совсем так, а, во-вторых, именно в подобных условиях наиболее выпукло проявляется искусство эффективно действовать и выстраивать собственный горизонт событий. Управляемый хаос – интригующая проблема современности, но это уже, наверное, область конкретного рассмотрения тех или иных социальных состояний и переходов.

– У меня два последних вопроса на понимание: первый о различии стратегического управления и программирования, потому что слишком часто понятия эти рассматриваются как синонимы, и второй вопрос – с какими трендами, искусственными или естественными, работает стратегирование?

– Стратегирование – процесс, который может быть реализован на самых разных «площадках», в различных предметных полях. Сейчас, обсуждая социальные, социополитические, экономические и, отчасти, культурные проблемы, выделяя в данной среде те или иные понятия и тенденции, мы держим в уме лишь одно из пространств человеческой деятельности, релевантное поднятой Вами теме. Но стратегирование может также реализовываться и в других областях – далеко не только в социальной среде, да и в ней оно способно проявлять себя достаточно амбивалентным образом, в том числе воплощая, пытаясь воплотить, вполне искусственные конструкции. В конце концов, разговор о стратегии и о ее горизонтах мы ведь начинали с таких «неестественных» понятий, как война и игра.

Что же касается связи стратегической деятельности с программированием (если я правильно уловил смысловой оттенок данного понятия в Вашем вопросе), то это все же разные материи. Стратегия строит контур целеполагания в некотором деятельном пространстве, задает практическую цель и вычерчивает образ маршрута к ней, программа «упаковывает» пространство вокруг маршрута, конъюнктурная политика помогает сделать данную схему реализуемой, а экономика осуществляет логику процесса – и все это делается в рамках определенной социокультурной платформы, как правило, неочевидной (в своем качестве важнейшего фактора) для действующих субъектов.

Альбена, 23.08.2002

СОКРАЩЕННЫЙ СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ А.И. НЕКЛЕССЫ

Отдельные работы: монографии, сборники статей, брошюры (автор; отв. редактор):

1. Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2.– М.: Восточная литература, 2002.
2. Трансграничье, его ландшафты и обитатели / Научный Совет РАН «История мировой культуры». – М.: Комиссия по социокультурным проблемам глобализации, 2002.
3. Неопознанная культура / Рабочие материалы расширенного заседания Научного Совета по проблеме мировой культуры при Президиуме РАН с участием теоретических семинаров научных организаций г. Москвы. – М.: Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры, 2001.
4. Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Руководитель проекта и отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.1. – СПб.: Алетейа, 2000.
(Рец.: Т.Е. Савицкая. Глобализация-2 (Заметки на полях монографии) // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №5. – С.154-162.)
5. Конец эпохи Большого Модерна / Международная научная конференция «Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия» (Москва, 21-23 октября 1999). – М.: Институт экономических стратегий, 1999.
6. Ответ России на вызов времени: стратегия технологической конверсии. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
7. Перспективы глобального развития и место Африки в Новом мире (социально-экономический аспект). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
8. Пентамино: Россия и новый метарегиональный контекст. Приложение. Схемы. – М.: Синергетическая лаборатория НПО СИНЛА, 1994.
9. Российско-африканские экономические связи в глобальном контексте: проблемы и тенденции. – М.: Институт Африки РАН, 1993.

Главы в монографиях и статьи в сборниках:

10. Четвертый Рим. Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Российские стратегические исследования / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Логос, 2002.
11. Введение. Реквием XX веку // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
12. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
13. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
14. Глобальный Град: творение и разрушение // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
15. ЭКОЛАР: комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
16. Геоэкономическая система мироустройства // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
17. Российский проект в системе мировых координат // Глобальное сообщество: картография постсовременного мира / Отв. ред. А.И. Неклесса / Московская школа геоэкономических и социальных исследований. Вып.2. – М.: Восточная литература, 2002.
18. Управляемый хаос: новый цивилизационный контекст // Связь времен (Сборник памяти Н.Н. Моисеева), т.3. / Отв. ред. В.А. Зятицкий. – М., 2002.
19. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествя постсучасного світу // Глобалізація. Регіоналізація. Регіональна політика. Хрестоматія з сучасної зарубіжної соціології регіонів / Укладачі І.Ф. Кононов (науковий редактор), Бородачов В.П., Топольськов Д.М. – Луганськ: Альма матер-Знання, 2002.

20. Ordo quadro: пришествие постсовременного мира // Мегатренды мирового развития / Отв. ред. М.В. Ильин, В.Л. Иноземцев / Центр исследований постиндустриального общества. – М.: Экономика, 2001.
21. Конец эпохи Большого Модерна // Постиндустриальный мир и Россия / Отв. ред. В.Г. Хорос, В.А. Красильщиков / Рос. Акад. Наук, Институт мировой экономики и международных отношений. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.
22. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Проблемы глобализации: реальность, тенденции, прогнозы. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир» / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
23. Система геоэкономического мироустройства как глобальный проект // Экономическая теория на пороге XXI века –5: Неоэкономика / Отв. ред. Ю.М. Осипов, В.Г. Белолипецкий, Е.С. Зотова. – М.: Юристъ, 2001.
24. Раздел I. Постсовременный мир в новой системе координат // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
25. Раздел II. Краткие тезисы к научному форуму «Глобальное сообщество: новая система координат» // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
26. Раздел III. Эпилог истории // Глобальное сообщество: новая система координат (подходы к проблеме) / Отв. ред. А.И. Неклесса. – СПб.: Алетейа, 2000.
27. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Теоретическая экономия: реальность, виртуальность и мифотворчество / Отв. ред. Ю.М. Осипов, Е.С. Зотова. – М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2000.
28. Pax Economіcana // Экономическая теория на пороге XXI века – 3: Экономическая цивилизация и научная экономия / Отв. ред. Ю.М. Осипов. – М.: Юристъ, 2000.
29. Север и Юг в преддверии новой эры (Обзор работы XII секции) // Африка на пороге третьего тысячелетия / VIII конференция африканистов, Москва 28-30 сентября 1999 г. Итоговые материалы. – М.: Институт Африки РАН, 2000.
30. Глава 4. Россия в системе геоэкономических координат XXI века // Путь в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / Рук. авт. колл. Д.С. Львов. – М.: Экономика, 1999.
31. Конец цивилизации, или зигзаг истории // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия /Сборник 1. Общие проблемы постиндустриальной эпохи / Серия «Научные доклады», №91. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
32. Эпилог истории, или модернизация versus ориентализация // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 2. Глобализация и Периферия / Серия «Научные доклады», №92. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
33. «Российский проект» в системе мировых координат XXI века // Постиндустриальный мир: центр, периферия, Россия / Сборник 3. Особый случай России / Серия «Научные доклады», №93. – М.: Московский общественный научный фонд; Институт мировой экономики и международных отношений РАН, 1999.
34. Современные процессы глобальной трансформации мирового хозяйства и место Африки в Новом мире // Африка в меняющемся мире (глобальные и региональные аспекты экономических проблем). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
35. Состояние и перспективы развития российско-африканских отношений в глобальном контексте // Состояние и перспективы российско-африканских отношений в свете глобальных тенденций развития мирового хозяйства. – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Статьи в журналах, альманахах, продолжающихся изданиях:

36. Глобальный Град: творение и разрушение. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2003, №1. (готовится к печати)
37. Меморандум «Северо-Запад». Миссия региональной корпорации // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
38. Глобализация, геоэкономика и сетевая культура // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002.
39. Управляемый хаос: движение к нестандартной системе мировых отношений // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2002 №9.

40. Трансмутация истории. 11 сентября 2001 года в исторической перспективе и ретроспективе // Новый мир. – М.: Новый мир, 2002, №9.
41. Фабрики мысли спасли Америку. Станет ли Россия пространством *новых* возможностей? // Со-Общение. – М., 2002, №9.
42. Мир после 11 сентября: развитие стратегической инициативы// Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 2002, №9. – С.1-4 (0,4 а.л.).
43. The World after September 11th: Development of Strategic Initiative // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002, №9.
44. Феномен 11 сентября и движение к нестационарной системе мировых связей // Россия XXI. – М., 2002, №4.
45. Момент истины. Заметки на полях постсовременной истории // Дружба народов. – М., 2002, №4.
46. Мир после 11 сентября: логика глобальной трансформации // Москва. – М., 2002, №3.
47. Интеллект, элита и управление // Россия XXI. – М., 2002, №1.
48. Глобализация и новое геоэкономическое мироустройство // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 2002, №1.
49. Наука и высшее образование в постсовременную эпоху // Высшее образование сегодня. – М., 2002, №1.
50. Неопознанная культура. Гностические корни постсовременности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2002, №1.
51. Проект «Глобализация»: Глобальное мышление и стратегическое планирование в последней трети XX века // Глобальные и стратегические исследования. Вып.1 / Центр глобальных и стратегических исследований / Отв. ред. Л.Л. Фитуни. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
52. Мир после 11 сентября // Безопасность Евразии. – М., 2001, №4.
53. Порог Нового мира // Москва. – М., 2001, №10.
54. Центральная Азия – опасный регион. Что надо сделать, чтобы он не стал очень опасным? // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 2001, №6.
55. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии: моделирование безопасности // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №5.
56. Вступление в постсовременный мир III тысячелетия. Размышления об истории, о цивилизации и прогрессе // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2001, №4.
57. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001, №3.
58. Трансмутация истории // Вопросы философии. – М.: Наука, 2001, №3.
59. Глобальный Город: творение и разрушение // Новый мир. – М.: Новый мир, 2001, №3.
60. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
61. Преодоление афганского синдрома в Центральной Азии – моделирование безопасности // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1.
62. Российский проект в системе мировых координат XXI века // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН. – М., 2001, №1.
63. Финансовый мир // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 2000, №40.
64. Ordo Quadro: четвертый порядок. Пришествие постсовременного мира // Полис. Политические исследования. – М., 2000, №6.
65. Трансмутация истории и ментальность человека (вступление в постсовременный мир III тысячелетия) // Мир психологии. Научно-методический журнал. – М.-Воронеж: Российская академия образования. Московский психолого-социальный институт, 2000, №4.
66. Осмысление Нового мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 2000, №4.
67. Реквием XX веку // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 2000, №1,2.
68. Fin de Millennium, или Реквием XX веку // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №1.
69. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // Безопасность Евразии. – М., 2000, №1.
70. Реквием XX веку // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2000, №1-2.
71. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. – М., 2000, №1.
72. Рах Economicana // Мост. – СПб.: ЗАО «ОВИЗО», 1999, №11.
73. Пакс Экономикана, или Эпилог истории // Новый мир. – М.: Новый мир, 1999, №9.
74. Творческий континент Россия // Москва. – М., 1999, №8.

75. Мир на краю истории, или Глобализация-2 // Москва. – М., 1999, №4.
76. Конец цивилизации, или Конфликт истории // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №3, 5.
77. Российский проект // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №4.
78. Финансовый мир: реальные следствия виртуальных стратегий // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №2.
79. Проект «Глобализация»: Глобальные стратегии в преддверии новой эры // НАВИГУТ. Научный альманах высоких гуманитарных технологий. Вып.1 / Приложение к журналу «Безопасность Евразии». – М., 1999.
80. Рах Есопотисана: геоэкономическая система мироустройства // Экономическая наука современной России. – М.: Отделение экономики РАН, 1999, №1.
81. Пакс Экономикана: новое геоэкономическое мироустройство // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 1999, №1.
82. Рах Есопотисана // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. – М., 1999, №1.
83. Новый мировой порядок и Африка // Африка. Суждения и факты / Справочно-библиографическая серия. Том.1. – М.: Институт Африки РАН, 1998.
84. «Российский проект» // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1998, №6.
85. Эпилог истории // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №5.
86. The End of Civilization or the Clash of History // IAS Newsletter. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1998, №3.
87. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Бюллетень Института Африки Российской Академии Наук. – М.: Институт Африки РАН, 1998, №3.
88. «Российский проект» в системе мировых координат XXI век // Проблемы развития. – М.: Национальный институт развития ОЭ РАН, 1998.
89. Конец цивилизации или Зигзаг истории // Знамя. – М., 1998, №1.
90. Геоэкономическая безопасность России в современном мире // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №10-11.
91. Генезис и практика программ структурной перестройки // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №7.
92. Африканская перестройка // Азия и Африка сегодня. – М.: Наука, 1997, №6.
93. Геоэкономические горизонты России // Российское аналитическое обозрение. – М.: Россия 2010, 1997, №5.
94. Гипер-Север: стратегия научно-технологической конверсии // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №3.
95. Постсовременный мир в новой системе координат // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №2.
96. Геометрия экономики // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1996, №10.
97. Россия на пороге нового мира // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1996, №2.
98. Долги – для развития? // Африканский рынок. – М.: Институт Африки РАН, Ассоциация делового и культурного сотрудничества со странами Африки, 1996, №2.
99. Россия в новой системе координат: цивилизационных, геоэкономических, геополитических // Научный альманах «Цивилизации и культуры» / Вып.3. Россия и Восток: геополитика и цивилизационные отношения. – М.: Институт востоковедения РАН, 1996.
100. Африка в новом мире // Африка. Суждения и факты. Вып.8. – М.: Институт Африки РАН, 1996.
101. Африка: структурная «адаптация» экономики // Африка. Суждения и факты. Вып.7. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
102. Россия и Африка: перспективы экономического сотрудничества // Африка. Суждения и факты. Вып.6. – М.: Институт Африки РАН, 1995.
103. Крах истории или контуры Нового мира? // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №12.
104. Контуры Нового мира и Россия // Знамя. – М., 1995, №11.
105. Проблема глобального развития и место Африки в Новом мире // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1995, №8.

106. «ЭКОЛАР» – комплементарная стратегия развития для Африки и мира // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №5.
107. «Третий Рим» или «Третий мир»: глобальные сдвиги и национальная стратегия России // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1995, №1.

Доклады и выступления

108. Инновация и революция / Материалы экспертного семинара и проектной игры «Проектирование национальной инновационной системы» г. Санкт-Петербург 22-24 июня 2002 г. – СПб.: Школа инновационных менеджеров, 2002.
109. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Клуб ученых «Глобальный мир». Доклады 2000-2001 гг. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2002.
110. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
111. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). – М., 2002.
112. Выступление в дискуссии / Россия 2002. Диагноз. Круглый стол // Советник Президента. – М., 2002, №1.
113. Выступление в дискуссии // Четвертая мировая война: за и против. Заседание клуба «Стратегическая матрица» 14 ноября 2001 года. Деловой центр ТПП. – М.: Институт экономических стратегий, 2002.
114. Постсовременная цивилизация // Прикладные аспекты глобализации. Материалы постоянно действующего междисциплинарного семинара Клуба ученых «Глобальный мир». Специальный выпуск. (Материалы научно-практического семинара «Прикладные аспекты глобализации». 20-21 сентября 2001 г.) – М.: Издательский дом «Новый век», Институт микроэкономики, 2001.
115. Современная мир-экономика: актуальная геоэкономическая конфигурация // Конец эпохи «мира-экономики», глобализация и естественная социальная эволюция. / Институт мировой экономики и международных отношений, Институт микроэкономики. – М.: Издательский дом «Новый век», 2001.
116. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Культура в эпоху цивилизационного слома / Материалы Международной конференции. 12-14 марта 2001 / Российская академия наук, Научный совет по истории мировой культуры. – М., 2001.
117. Конец эпохи Большого Модерна // Миропорядок после Балканского кризиса: новые реальности меняющегося мира. Материалы конференции. Москва, 1-2 ноября 1999 г. / Гл. ред. А.Н. Кулик / Межрегиональное общественное объединение участников научных, культурных и образовательных программ сотрудничества с США «Профессионалы за сотрудничество». – М.: Добросвет, 2000.
118. Россия в мировой экономике XXI века (Российский проект) // Приоритеты и механизмы экономической политики России в кризисный период / Научно-практическая конференция Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации / Секция «Россия в мировой экономике XXI века». – М., 1999.
119. На пороге XXI века, как и две тысячи лет назад, человечество оказалось в ситуации нарастающей культурной растерянности / II. Глобализация в контексте этики // Этнос глобального мира / Отв. ред. В.И. Толстых / Горбачев-фонд. – М.: Восточная литература РАН, 1999.
120. Выступление в дискуссии / Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения (круглый стол) // Россия в глобальной экономике: проблема самоопределения / Исследовательский проект «Загадка Евразии: Россия в формирующейся глобальной системе». – М.: Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд), 1999.
121. Выступление в дискуссии / Актуальные вопросы глобализации (круглый стол «МЭ и МО») // Мировая экономика и международные отношения. – М.: Наука, 1999, №4.
122. The End of Civilization or the Clash of History // Africa beyond 2000. Symposium on the Development Perspective of Africa Towards the 21st Century. – Beijing: Institute of West Asian and African Studies Chinese Academy of Social Studies, 1999.
123. Выступление в дискуссии / VIII. Многополярный мир и региональные сверхдержавы II. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ. Москва, 13 июня 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.

124. Выступление в дискуссии / IX. Россия в XXI веке. Стратегия развития. Стенограмма совещания, проведенного в аппарате Совета обороны РФ по проблемам концептуальных основ военной доктрины. Москва, 11 декабря 1997 г. // Национальная безопасность: в поисках приоритетов. Материалы совещаний аналитической группы при Совете Обороны Российской Федерации / Серия «Научные доклады», №62. – М.: Московский общественный научный фонд, 1998.
125. «Российский проект» вхождения в глобальный мир – возможен // Россия в глобальном мире. Материалы совместного заседания клуба «Свободное слово» и Горбачев-Фонда, состоявшегося 19 сентября 1997 г. – М.: Апрель-85, 1997.
126. Выступление в дискуссии / Глобализация и демократизация (круглый стол). // Глобализация и демократизация. Стенограмма круглого стола, состоявшегося в Горбачев-фонде 1 июля 1997 года / Международный фонд социально-экономических и политологических исследований (Горбачев-фонд). – М., 1997.
127. Выступление в дискуссии / Экономические реформы в Африке (круглый стол) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1997, №6.
128. Геоэкономическая система координат и проблема развития // Новая роль России в мире и Африке (материалы международной конференции «Россия и новое международное партнерство для Африки» апрель 1994 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1995.
129. Человек, глобальное сообщество, Африка на пороге XXI века // Человек в африканском обществе (материалы рабочего совещания, проведенного в Институте Африки АН СССР в июне 1989 г.). – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Тезисы:

130. Мировой Север и мировой Юг: новый цивилизационный контекст // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
131. North and South in the Global Context: Roots of a New Civilization // IX Conference of Africanists. Africa in the context of North-South relations. Moscow, May 21-23, 2002. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002.
132. Квази-Север и Глубокий Юг: глобализация и сетевая культура // IX конференция африканистов. Африка в контексте отношений Север-Юг. (Москва, 21-23 мая 2002 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 2002.
133. Quasi-North and Deep South: Globalization and Net Culture // IX Conference of Africanists. Africa in the context of North-South relations. Moscow, May 21-23, 2002. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 2002.
134. Глобализация: новый цивилизационный контекст // Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век. Материалы к IV Международной Кондратьевской конференции. Москва, 15-16 мая 2001 г. – М.: Международный фонд Н.Д. Кондратьева, 2001.
135. Мировой Север и мировой Юг: новая конфигурация // VIII конференция африканистов. Африка на пороге третьего тысячелетия (Москва, 28-30 сентября 1999 г.). Тезисы. – М.: Институт Африки РАН, 1999.
136. North and South: Shift of Social Axis // VIII Conference of Africanists. Africa at the threshold of the new millennium. Moscow, 28-30 September, 1999. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1999.
137. Тезисы к дискуссии / Форум. Постсовременный мир: новая система координат (подходы к проблеме) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. – М.: Наука, 1998, №1.
138. Генезис программ структурной перестройки и Африка // VII всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире (Москва, 1-3 октября 1997 г.). Вып. 1 / Экономика. Социально-политические, идеологические и правовые проблемы. Международные отношения: Африка, Россия, СНГ. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
139. Глобальное сообщество: место Африки в постсовременном контексте // VII всероссийская конференция африканистов. Африка в меняющемся мире (Москва, 1-3 октября 1997 г.). Вып. 1 / Экономика. Социально-политические, идеологические и правовые проблемы. Международные отношения: Африка, Россия, СНГ. – М.: Институт Африки РАН, 1997.
140. The origins of structural adjustment programs and Africa // 7th All-Russia Conference of Africanists. Africa in a changing world. Abstracts. – Moscow: Institute for African Studies RAS, 1997.
141. Пути решения проблемы «африканского долга» // VI конференция африканистов. Африка: проблемы перехода к гражданскому обществу (Москва, 16-18 ноября 1994 г.). Вып. 1 / Состояние и перспективы развития экономики стран Африки. Экономические связи России и

СНГ с Африкой. Социально-политические, идеологические и правовые проблемы. Политология и международные отношения. – М.: Институт Африки РАН, 1994.

Работы, выполненные в соавторстве:

142. Европейская и Евразийская безопасность: Балтийско-Черноморский вектор // Безопасность Евразии. – М., 2001, №1. (В соавторстве с В.И. Юртаевым).
143. Вся наша жизнь – игра // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2000, №5. (В соавторстве с В.И. Юртаевым).
144. Стратегия России в XXI веке: анализ ситуации и некоторые предложения (Стратегия-3). Тезисы Совета по внешней и оборонной политике // Независимая газета. – М., 18-19.6.1998 (В соавторстве с С.А. Карагановым и др.).
145. Хроника пикирующего ВПК // Российский кто есть кто. – М., 1998, №1. (В соавторстве с В.И. Юртаевым).
146. Национальная безопасность России: преодоление стереотипов / Междисциплинарный семинар-дискуссия. Март 1997 г. – М.: Аналитическая группа «Россия: вызов времени», 1997. (В соавторстве с С.П. Глинкиной и др.).
147. Макроэкономические модели переходного периода: мировой опыт и российская специфика / Междисциплинарный семинар-дискуссия 1 марта 1996 г. – М.: Панинтер, 1996. (В соавторстве с С.П. Глинкиной и др.).
148. Национальные интересы и национальная безопасность России в XXI веке / Междисциплинарный семинар-дискуссия 29 марта 1996 г. – М.: Панинтер, 1996. (В соавторстве с М.Г. Делягиным и др.).
149. Международные интересы России в начале XXI века / Междисциплинарный семинар-дискуссия 18 сентября 1996 г. – М.: Панинтер, 1996. (В соавторстве с С.П. Глинкиной и др.).

Приложение к списку публикаций: интервью, статьи в газетах

Интервью:

150. <Итоги года> // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2002, №6.
151. Первая война XXI века // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №5-6.
152. Проблема XXI века // Эксперт. – М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2001, №34.
153. Новая картография мира // Экономические стратегии. – М.: Институт экономических стратегий, 2001, №1.
154. <Что бы Вы посоветовали Президенту России...> // Москва. – М., 2001, №1.
155. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Российская федерация сегодня. – М., 1999, №18.
156. Чай, кофе и судьбы цивилизации // Кофе и чай. – М., 1999, №2.
157. «Российский проект» дает второе дыхание стране // Российский кто есть кто. – М., 1998, №3.
158. Мир Модерна, мир Нового времени подходит к своему логическому концу // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №5.
159. Мир постмодерна, мир игры ломает горизонт истории // Рубежи. – М.: Инфоцентр, 1997, №8-9.
160. На краю Ойкумены // Панинтер. – М., 1997, №3.
161. На краю Ойкумены-2 // Панинтер. – М., 1997 №4.
162. Мы стоим на пороге новых образов Политики, Экономики, Культуры // Деловой мир. – М., 27.8.1996.
163. Мы должны быть реалистами и стратегами. И уметь выбирать потери // Деловой мир. – М., 18.5.1996.

Статьи в газетах:

164. Направления технологической конверсии // Независимое военное обозрение. – М., 1-7.02.1997.
165. Геоэкономическое измерение реформ // Независимая газета. – М., 11.04.1996.
166. Геометрия экономики // Панинтер. – М., 19.04.1996.
167. Крах истории, или Конец Нового времени // Сегодня. – М., 17.12.1995.
168. Стратегия технологической конверсии // Независимая газета. – М., 9.11.1995.
169. Этот новый финансовый мир // Сегодня. – М., 15.06.1995.
170. Не ходите, кредиторы, в Африку гулять // Коммерсант. – М., 12.12.1994.
171. Третий Рим или Третий Мир: геоэкономика и национальная стратегия России // Сегодня. – М., 25.10.94.